

СУМЕРКИ.

СОЧИНЕНИЕ

Евгенія Боратынскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА,
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаннн представлено было
въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. Москва, 1849 года, Марта 10 дня.

Ценсоръ И. Снегиревъ

КНЯЗЮ
ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ
ЗЕВЕРИНСКОМУ.

*Какъ жизни общіе призывы ,
Какъ увлеченья суеты ,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаяніа мечты ;
Понятны вамъ вѣсь дуновенья,
Которымъ, въ моръ бытіа,
Послушна наша ладія:*

*Вамъ приношу я тьсночьнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя :
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты,
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.
Счастливый сынъ уединенья,*

*Гдѣ сердца вътрєнные сны ,
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены ;
Гдѣ, другу мира и свободы ,
Ни до фортуны , ни до моды ,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ ;
Гдѣ я простилъ безумству , злобѣ ,*

*И позабыл, какъ-бы во гробъ,
Но добровольно шумный свѣтъ:
Еще, порою, покидаю
И Лету созданную мной,
И степи мѣра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой:
Ищу я васъ; глянжу: что съ вами?*

*Куда вы брошены судьбами,
Вы озаршіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ небо васъ?
И возношу молящій гласъ:*

*Да длится ваше упоенье
Да скоро минетъ скорбный часъ!*

*Звезда разрозненной Плеяды!
Такъ, изъ глуши моей, стремлю
Иль вамъ заботливые взгляды,*

*Вамъ высшей благодати молю,
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Льниво дань мою плачу.*

ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
 Вновь Эллада ожила,
 Собрала свои народы
 И столицы подняла:
 Въ ней опять цвѣтутъ науки,
 Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ;
 Но не слышны лиры звуки
 Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхляющаго міра,
 Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человекъ;
 Но зелены въ отечествѣ Омира
 Холмы, лѣса, берега лазурныхъ рѣкъ;
 Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
 Кастальской ключъ живой струею бьетъ:
 Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы
 Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ простодушной
 Онъ любовь и красоту,
 И науки, имъ ослушной,
 Пустоту и сузту:
 Мимолетныя страданья
 Легкомыслиемъ цѣля,
 Лучше смертный, въ дни незнанья,
 Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной
 Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
 Какъ пахити, Эолъ бурнопогодной,
 Плодотворятъ онъ сердца людей;
 Живительнымъ дыханіемъ развита,
 Фантазія подьемлется отъ нихъ,
 Какъ нѣкогда возникла Афродита
 Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И за чѣмъ не предадимся
 Снѣмъ улыбчивымъ своимъ?
 Жаркимъ сердцемъ покоримся
 Думамъ хладнымъ, а не нѣмъ!
 Вѣрѣ сладкимъ убѣжденьямъ
 Васъ ласкающихъ очей
 И отраднымъ откровеньямъ
 Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣгомъ; персгы
 Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
 Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
 Но гордая главы не преклонилъ.
 Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
 Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
 Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
 И на землѣ уединенья нѣтъ!

Человѣку не покорно
 Море синее одно:
 И свободно, и просторно,
 И пріятливо оно;
 И лица не измѣнило
 Съ дня, въ который Аполлонъ
 Поднялъ вѣчное свѣтило
 Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
 На ней, пѣвецъ, мятежный думы полнъ,
 Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
 Сія скала..... тѣнь Сафо! .. голосъ волнъ...
 Гдѣ погребла любовница Фаона
 Отверженной любви несчастной жаръ,
 Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
 Свои мечты, свой бесполезный даръ!

И по прежнему блистаетъ
Хладной роскошю свѣтъ :
Серебрить и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ;
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской ,
И отъ шумныхъ водъ отходить
Онъ съ тоскующей душой!

Предразсудокъ! оуъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ;
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадавъ.

Гонить въ немъ нашъ въкъ надменной,
Не узнавъ его лица,

Нашей правды современной
Дряхлѣтняго отца

Воздержи младую силу !
Дней его не возмущай ;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай

ПОВИНСКОЕ.

А. С. ШУБИНСКИМУ.

Она, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь, отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.

Нѣтъ, это былъ сей легкой сонъ,
Сей тонкой сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

ПРИМѢТЫ.

Пока чловѣкъ естества не пыталъ

Горниломъ, вѣсами и мѣрой;

Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,

Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она

Любовью ему отвѣчала:

О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновежье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подѣмля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала:

Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ,
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ доверилъ уму;
Вдался въ суету изысканій...
И сердце природы закрылось ему
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Всегда и въ пурпурѣ и златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей:
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистагальная тѣнь!

Увы! Творецъ непервыхъ силъ!
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже, въ жару нездравомъ, ты
Коверкать сталъ правописанье!

Неаполь возмутилъ рыбарь
И власть пріявъ, какъ мудрый царь

Двѣнадцать дней онъ градомъ правиль,
Но что же? непривычный умъ,
Уставъ отъ вѣчносныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставиль!

НЕДОНЕСОКЪ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицейъ звонкой.

По ненастьѣ зареветъ
И до облакъ сводъ небесный
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листь древесный:
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое

Бьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ !
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листь ,
Удушаетъ прахъ летучій !
Обращусь-ли къ небесамъ ,
Оглянуся-ли на землю :
Грозно, черно тутъ и тамъ ;
Вопль унылый я подъемяю.

Смутно слышу я порой
Кличъ враждующихъ народовъ,

Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей ,
Плачь недужнаго младенца...
Слѣзы льются изъ очей :
Жаль земнаго поселенца !

Изывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ !
Въ тучу прячусь я, и въ ней
Мчуся чуждъ земнаго края ,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

Миръ я вижу какъ во мглѣ ;

Архъ небесныхъ отголосокъ

Слабо слышу.... На землѣ

Оживилъ я недоносокъ.

Отбылъ онъ безъ бытія :

Роковая скоротечность!

Въ тягость роскошь мнѣ твоя,

Въ тягость твой просторъ, о вечность!

АЛКИВІАДЪ.

Облокотясь передъ мѣдью образъ его отра-
жавшей,

Длавою слегка приподнявъ кудри златя чела,

Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ,
и смѣхомъ

Горькимъ смѣясь, на него мужи казали пер-
стомъ;

Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно от-
крытымъ,

Нѣхотя взоръ отводя, хмурили брови свои.

Онъ же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣ-
ди глядась, а въ грядущемъ

Думалъ: къ лицу-ли ему будетъ лавровый
вѣнокъ ?

РОПОТЪ.

Краснаго льта отравя, муха досадная, что ты
Вьешься терзая меня, льнешь то къ лицу, то
къ перстамъ?
Кто одарилъ тебя жаломъ властнымъ прер-
вать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви по-
цалуй?

МУДРЕЦУ.

Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смер-
тью, философъ

Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей :
покой.

Намъ, изволеньемъ Зевеса брошеннымъ въ мѣръ
коловратный,

Жизнь для волненья дана : жизнь и волненье
одно.

Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу

Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣ-
зецъ ;

Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ
его чуждъ,

Первымъ стонашемъ качать нудить свою
колыбель !

Флида, съ каждою зимою,
Зимою новою своею,
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей:
И, Афродита гробовая,
Подходить, словно къ ложу сна,
За ризою ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

БОКАЛЪ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ...
Ты не встрѣченъ братьей шумной
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной
Я сего дня пью одинъ.

Чѣмъ душа моя богата
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата
И свободны сны мои ;
За струею вдохновенной
Не разсыпъ данникъ твой
Безтолково оживленной,
Разногласною толпой:

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого ;
Не откроетъ дружбъ ложной
Таинъ счастья моего ;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ,
Изліянемъ горделивыхъ
Иль святыхъ монахъ надеждъ!

Вотъ теперь со мной бесѣдуй
Своейравная струя !
Упоенья проповѣдуй,
Иль отравы бытія ;
Сердцу милая преданья
Благодатно оживи,
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови !

О, бокальъ уединенья !
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья
Словно чашей круговой :
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будешь ты
Откровенья преисподней,
Иль небесныя мечты,

И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму, пророкъ,
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ бесплодномъ развлеченнн
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеннн,
Мгла падетъ съ его очей!

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

Въ день несчастный, часъ гнетучій
Грудь подыметъ вдоль могучій;

Бойкой пѣснью разольется:
Скорбь—невзгода распоеся!

А какъ вѣкъ то, вѣкъ то старой
Обручится съ лютой карой ;

Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой :

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ !

На что вы дни ! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнить !
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулятъ.

Не даромъ ты металась и кипѣла
Развитіемъ спѣша ,

Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безмысленно глядитъ какъ утро встанетъ
Безъ нужды ночь смѣня ;
Какъ въ мракъ ночной бесплодный вечеръ канетъ.
Вънецъ пустаго дня!

ЛХНЛЛЪ.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли, долею своей

Равенъ съ нимъ, боецъ духовной ,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою ,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ!

Сначала, мысль, воплощена
Въ поэму сжатую Поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта ;
Потомъ осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста ,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна ,
Какъ искушенная жена

Въ свободной прозѣ романиста ;
Болтунья старая за тѣмъ
Она, подъяема крикъ нахальной ,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

Еще какъ Патріархъ не древень я ; моей
Главы не умастилъ таинственный елей :
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенье !
И я даю тебѣ мое благословенье
Во знаменьи иномъ, о дѣва красоты !
Подъ этой розою главой склонись, о ты
Подобіе цвѣтовъ Царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

Толпѣ тревожный день приветенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Бойтся въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грѣзъ дѣтей волшебной тьмы,
Видѣній дня боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Ощупай возмущенный мракъ:
Изчезнетъ, съ пустотой сольется

Тебя пугающій призракъ
И заблужденыя чувства твоя ужасъ улыбнется.

О сынъ Фантази! ты благодатныхъ Фей
Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мѣрѣ
Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ

Неосязаемъ властей:

Мужайся, не слабѣй душою

Передъ заботою земною:

Ей исполинской видъ даетъ твоя мечта;
Коснися облава нетрепетной рукою,
Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

Здравствуй отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Пигму!
Малолѣтнюю Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ

Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ мой мальчикъ равенъ?

Только жавронокъ живой,
Чуткой грудію своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной!

Что за звуки? мимоходомъ,
Ты поешь передъ народомъ
Старецъ нищій и слѣпой!
И какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернѣ тебя обстала злая
Издѣваясь надъ тобой.

А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ камены пѣсенъ,
И бесѣдовалъ ты съ ней
Безимянной, роковою,
Съ дня какъ въ первый разъ тобою
Былъ услышанъ сологей.

Бѣдный старецъ! слышу чувство
Въ сильной пѣсни.... Но искусство...
Старцевъ старѣе оно:
Эти радости, печали,
Музыкальныя сержали
Выражаютъ ихъ давно!

Опрокинь-же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!

Попеченья Геній твой

Да отложить въ здѣшнемъ міръ:

Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ

Звучень будетъ голосъ твой!

Къ нимъ чувственнымъ , за грашь ихъ не ступая!

Есть хмельъ ему на праздникъ мірскомъ!

Но предъ тобой, какъ предъ нами мечёмъ,

Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная.

СКУЛЬПТОРЪ.

Глубокой взоръ вперивъ на камень ,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень ,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но безконечно вожденной ,
Уже онъ властвуетъ собой:

Неторопливой, постепенной
Рѣзецъ, съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

Въ заботъ сладостно туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ.

Покуда страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

ОСЕНЬ.

I.

И вотъ Сентябрь! заедля свой восходъ,

Сіянемъ хладнымъ солнце блещеть

И лучъ его, въ зеркалѣ зыбкомъ водъ,

Невѣрнымъ золотомъ трепещеть.

Съдая мгла вѣется вокругъ холмовъ;

Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ
И красенъ круглый листь осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

II.

И вотъ Сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходить. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры:
Пробудится ненастливый Эолъ;

Предъ нимъ помчится прахъ летучій,
Качаяся завоюетъ роща: доль
 Покроетъ листь ея падучій,
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ загѣнится рѣка;

III.

Прощай, прощай сіяніе небесъ!
 Прощай, прощай краса природы!
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
 Златочешуйчатая воды!
Веселой сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!

Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Съкирою тревожитъ дровосѣкъ

И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

IV.

А между тѣмъ досужій селянинъ

Плодь годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинь,

Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ

Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ
Подъ тяжелой ношею скрипящихъ
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъѣмлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

V.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И дѣлъ стучить, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся:
Иди зима! на строги дни себѣ

Припасъ орадай много блага:
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага:
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ,
Свои труды благословенный плодъ!

VI.

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Орадай жизненнаго поля
И предъ тобой во благостынь всей
Является земная доли;
Когда тебѣ житейскія бразды

Трудъ бытія вознаграждая,
 Готовятся подать свои плоды
 И спѣетъ жатва дорогая,
 И въ зернахъ думъ ее собираешь ты,
 Судебъ людскихъ достигнувъ полноты;

VI.

Ты также-ли какъ земледѣль богатъ?
 И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
 И ты какъ овъ о дальнемъ днѣ награды
 Сны позлащенные лелѣялъ...
 Любишь-же, гордишь воставшимъ имъ!

Считай свои приобрьтенья!.. ..

Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ

Тобой скопленныя презрѣнья,

Язвительный, неотразимый стыдъ

Души твоей обмановъ и обидъ!

VIII.

Твой день взошелъ и для тебя ясна

Вся дерзость юныхъ легковѣрій;

Испытана тобою глубина

Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.

Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,

Сочувствій пламенный искатель,
Блестательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

IX.

Но если-бы негодованья крикъ ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ

Содроглась вѣтреная младость,
 Играющій младенецъ , зарыдавъ
 Игрушку-бѣ выронилъ, и радость
 Покинула-бѣ чело его на вѣкъ,
 И заживо-бѣ въ немъ умеръ человекъ !

Ж.

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ !
 Спиши, хозяинъ тароватый !
 Проси, сажай гостей своихъ за пирь
 Затѣйливый, замысловатый !
 Что лакомству пророчить онъ утѣхъ !

Какимъ разнообразьемъ брашенъ
 Блистаетъ онъ!... По вкусу одинъ во всѣхъ

И какъ могила людямъ страшень:
 Садись одинъ и тризну соверши
 По радостямъ земнымъ твоей души!

XI.

Какое-же потомъ въ груди твоей

Ни водворится озаренье,
 Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрешится въ ней

Последнее вихреврзашенье:
 Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ

Умъ бесполезный сердца трепеть
 Угмонить, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
 Удушить запоздалый лепеть
 И примешь ты, какъ лучшей жизни кладъ,
 Даръ опыта, мертвящій душу кладъ.

ХII.

Пль, отряхнувъ видѣнія земли
 Порывомъ скорби животворной,
 Ея предѣлъ завидя невдали,
 Цвѣтущій брегъ за мглою черной,
 Возмездій край благовѣстиямъ снамъ

Довѣрся чувствомъ обновленнымъ
И, бытія мятежнымъ голосамъ

Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, конхъ строй
Превыспренній, не понять былъ тобой;

ХІІІ.

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреніемъ,
Съ надеждою не видящей границъ
И утоленнымъ разумѣніемъ:
Знай, внутренней своей во вѣки ты

Не передашь земному звуку
И легких чадъ житейской суеты

Не посвятишь въ свою науку :
Знай, горняя, иль дольная она
Намъ на землѣ не для земли дана

XIV.

Вотъ буйственно несется ураганъ
И лѣсъ подьѣмлетъ говоръ шумной,
И пѣнится, и ходигъ Океанъ ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной :
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ

Изъ усыпленія выводить
Гласъ, пошлый гласъ вѣщатель общихъ думъ
И звучный отзывъ въ ней находить,
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголь,
Что страстное земное перешолъ.

XV.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
Пусть замѣнитъ ее другая:
Не явствуетъ земля ущербъ одной ,

Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекой вой ,
 Равно какъ въ высотахъ Эфира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ!

XVI.

Зима идетъ, и тощая земля
 Въ широкихъ лысинахъ безсилія
И радостно блиставшія поля
 Златыми класами обилья :
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой ,

Всѣ образы години бывшей
Сравняются подѣ свяженной пеленой
Однообразно ихъ покрывшей:
Передѣ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!

Благословенъ святое возвѣстившій !
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой нибудь неправедный изгибъ
Сердцеъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области: сїянія и тьмы
Исслѣдовать равно стремимся мы

Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человекъ!
Такъ въ дикой смыслъ порока посвящаетъ
Насъ многда одинъ его намѣкъ.

РИФМА.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ музъ, онъ пѣлъ среди ва-
ловъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила:
Свободнымъ и широкимъ метромъ,

Какъ жатва зыблемая вѣтромъ

Его гармонія текла.

Толпа вниманіемъ окована была

Пока, могучимъ сотрясеніемъ

Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца

И струны звучныя пѣвца

Дарила новымъ вдохновеніемъ.

А нынѣ кто у нашихъ лиръ

Ихъ дружелюбной тайны просить?

Кого за нами въ горній міръ

Опальный голосъ ихъ уносить?

Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ

Его полетъ высокъ иль ибтъ!

Самъ судія и подсудимый,

Пусть молвить: пѣснопѣвца жаръ

Смѣшной недугъ иль высшій даръ?

Рѣшить вопросъ не разрѣшимый!
Среди безжизненнаго сна,
Среди гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, съ роднаго берега,
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. К. П. А. Вяземскому.	5
II. Последний Поэтъ.	15
III. Предразсудокъ! онъ обломокъ.	21
IV. Новинское.	23
V. Приветъ.	25
VI. Всегда и въ пурпуръ и змать.	28
VII. Увы! Творецъ не первыхъ силъ.	29
VIII. Недоносокъ.	31
IX. Алкивиздъ.	36
X. Ропоть.	38
XI. Мудрецу.	40
XII. Финда съ каждою зимою	42
XIII. Бокаль.	43
XIV. Были бури, непогоди.	47
XV. На что вы дни.	49
XVI. <i>Алима</i> (напечатана 1841 года, въ Современникъ, издаваемомъ Г. Плетневымъ въ Санктъ-Петербургъ).	51
XVII. Сначала мысль.	53

II

	<i>Стр.</i>
XVIII. Еще какъ Патріархъ.	55
XIX. Толпѣ тревожный день.	56
XX. Здравствуй отрокъ сладкогласной.	58
XXI. Что за звуки!	60
XXII. Все мысль, да мысль.	63
XXIII. Скульпторъ.	65
XXIV. Осень.	67
XXV. Благословенъ святое возвѣстившій.	84
XXVI. Рифма.	86

